

По соседству Дацянь как раз спустился с горы с несколькими дикими горлицами. Он держал их за лапки вниз головой, и птицы без конца хлопали крыльями. Сяо И поспешил к нему и забрал их.

— Вчера в горах поставил ловушки, поймалось три, — Дацянь показал ему добычу. Птицы были ещё живы, только лапы у них оказались повреждены: капканы переломали кости.

Они с Дацянем время от времени ходили в горы ловить птиц. Иногда несли добычу в городок на продажу - за одну давали по двенадцать-тринадцать взней, а иногда оставляли себе. Мяса на диких горлицах было немного, зато вкус у них был превосходный, особенно хорошо они подходили для супа.

Жена Дацяня, Чэнь Сяньюэ, стояла у двери. Она была на год младше мужа, по характеру застенчивая и мягкая, а стоило заговорить о еде, как улыбка на её круглом лице становилась ещё ярче.

Чэнь Сяньюэ приняла горлиц:

— Мы с матушкой утром ходили в горы собирать каштаны, набрали целую корзину. Ещё выдерну редьку и вечером сварю вам суп к вину. Отец пошёл за вином, скоро вернётся.

Пойманные сегодня горлицы были жирными, наверняка дадут много наваристых капелек жира, а с каштанами суп получится ещё слаще и ароматнее.

Сяо И задумчиво посмотрел на птиц. Когда они вслед за Дацянем вошли в дом, он вдруг сказал:

— Мою порцию оставьте. Я потом чашку с собой заберу.

Сказав это, он тут же добавил:

— Сегодня в городке слишком много масляных лепёшек съел, до сих пор тяжесть в животе.

Дацянь сразу всё понял и посмотрел на него с таким видом, будто насквозь видел его мысли:

— Хочешь отнести им суп - так и скажи прямо.

— Его много будет, — Чэнь Сяньюэ направилась к кухне. — Даже если две чашки с собой возьмёшь, всё равно хватит.

О том, что Сяо И привёл домой одного гёра, уже знала вся семья Дацяня. Человек вошёл в

деревню после полудня, а к вечеру новость успела облететь весь Сяохэ.

Мать Дацияна, Цай Цзиньхуа, так удивилась, что бросила корзинку с рукоделием и тут же собралась бежать посмотреть на него своими глазами. Видимо, тётушка выпила слишком много супа из диких горлиц - ноги у неё двигались проворно, и лишь у самой двери Сяо И успел её перехватить.

— Тётушка, не ходите. Он робкий и немного боится незнакомых, — Сяо И поспешно уговорил тётушку Цай вернуться.

В соседнем доме стояла полная тишина, не доносилось ни единого звука. Сяо И ничего не слышал, и мысли его вдруг пришли в беспорядок.

Линь Мудун раскрыл маленький узелок, который всё время носил с собой. Внутри было совсем немного вещей: платок, десять вэней и поминальные таблички родителей. Он набрал во дворе воды, смочил платок и вытер бабушке лицо. Возможно, лекарство начало действовать: цвет её лица заметно улучшился, а недавно она даже ненадолго проснулась.

В чашке с яичным пудингом ещё оставалось немного яйца. Линь Мудун прижал ладонь к животу - дикими овощами сыт не будешь.

Небо постепенно темнело, над соломенными крышами ярко светили звёзды и луна. Он неподвижно сидел у бамбуковой кровати и смотрел в темноту, погрузившись в оцепенение. Однако долго просидеть так ему не дали: тревожные мысли прервал стук в дверь - три глухих удара.

Линь Мудун резко поднял голову, и в его глазах вспыхнула радость, которой он сам даже не заметил. Он мелкими быстрыми шагами подбежал к двери и распахнул её.

Снаружи никого не было. Крошечный огонёк в его глазах тут же погас.

Наверное, он и правда от голода совсем поглупел - решил, что у двери стоит Сяо И.

Он уже собирался повернуться обратно, как до носа донёлся аппетитный аромат. На маленьком деревянном столике у двери стояла целая чашка супа из дикой горлицы. На поверхности плавали редкие золотистые капельки жира, каштаны и редька разварились до мягкости, а среди них лежало несколько кусочков мяса.

Рядом заботливо положили две пары палочек.

Линь Мудун шмыгнул носом, улыбнулся в сторону света, горевшего в главной комнате, и унёс суп внутрь.

Два помещения находились довольно далеко друг от друга, поэтому Линь Мудун не заметил, что окно главной комнаты было тайком приоткрыто на узкую щёлку. Сяо И смотрел, как он заносит чашку в дом, и лишь после этого закрыл окно и вернулся на кровать отдыхать.

Возможно, всё дело было в горячем мясном супе, но Линь Мудун, прежде похожий на пушинку ивового пуха, которую носит ветром без опоры и пристанища, вдруг словно наконец коснулся земли и постепенно почувствовал под ногами твёрдую почву.

Поздней осенью ночи стояли холодные. Ветер за окном проходил по верхушкам бамбука, листья тёрлись друг о друга, и тянулся непрерывный шум, похожий то на прибой, то на мелкий затяжной дождь, шуршащий по крыше. Линь Мудун лежал в деревянном сарае. Куча дров под ним хранила тепло, и этого было достаточно, чтобы спокойно проспать ночь.

Маленькая бамбуковая кровать в спальне вмещала только одного человека, поэтому он уступил её бабушке. Что до чистого ватного одеяла в шкафу, Линь Мудун даже не смел на него рассчитывать, тем более не решался просить Сяо И найти для него ещё одну комнату.

Поэтому лишь когда ночь стала совсем тихой, он украдкой пробрался в деревянный сарай. Так он уже спал у дяди. Когда они с бабушкой отправились искать приюта у семьи дяди, ему тоже отвели деревянный сарай. Одеяла не было, и приходилось накрывать себя сухой травой, чтобы согреться.

Кошмары шли один за другим. Сначала умерли родители, а их с бабушкой выгнали из клиники. Потом на дороге во время бегства другие беженцы отняли у них еду. Картина внезапно сменилась, и в самом конце перед ним появилось лицо Лю Мацзы. Линь Мудун свернулся в углу и тихо всхлипывал, одежда на спине промокла от холодного пота.

Лишь когда небо стало понемногу светлеть, его разбудил первый крик петуха в Сяохэ. Сознание наконец вырвалось из кошмара. Линь Мудун растерянно открыл глаза и ещё некоторое время не мог поверить, что всё вокруг настоящее.

Странно: всё здесь было чужим и незнакомым, но почему-то он всё равно чувствовал себя спокойно.

Он немного посидел на куче дров, а когда окончательно пришёл в себя, медленно спустился. Линь Мудун заглянул в соседнюю комнату: бабушка дышала ровно и выглядела намного лучше, чем несколько дней назад. Ночью она один раз просыпалась, и после супа из дикой горлицы у неё даже появились силы говорить.

Во дворе было тихо. Линь Мудун осторожно приоткрыл дверь, высунул голову и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую. Никто ещё не встал. Раз уж живёшь в чужом доме, нужно работать. Он не был ленивым гёром. Линь Мудун двигался на цыпочках: Сяо И всё ещё немного пугал его, поэтому он боялся шуметь.

В кувшинах были рис и мука. Линь Мудун долго колебался и в конце концов взял лишь маленькую чашку смеси круп, чтобы сварить кашу. На земле ещё лежали листья диких овощей; он мелко нарезал их и бросил в котёл - этого как раз хватало, чтобы наскоро приготовить еду на всех.

Одной каши было мало. К счастью, под столешницей Линь Мудун обнаружил кувшин с соленьями. Он никак не мог понять, зачем мужчине, который совершенно не умеет готовить, понадобилось самому квасить овощи. Белые нежные ломтики сушёной редьки и хрустящая маринованная длинная фасоль отлично подходили к каше. Но и здесь Линь Мудун осторожно взял совсем немного и мелко нарезал.

— Что ты делаешь?

Сяо И стоял в дверях, широко раскинув руки и лениво потягиваясь с зевком. Волосы были кое-как собраны на макушке, а на подбородке после ночи проступила лёгкая синеватая щетина, которая, впрочем, ничуть не портила его внешность. Его разбудил грохот чашек, котлов и прочей кухонной утвари, и спросонья он даже не сразу вспомнил, что теперь в доме живут ещё двое.

Линь Мудун стоял к нему спиной и от неожиданности вздрогнул. Обернувшись, он робко посмотрел на Сяо И и даже начал заикаться:

— К-кашу варю... тебе поесть.

Он растерянно сжал в руке железный половник и лишь тревожно смотрел на Сяо И. Потом поспешно добавил:

— Уже почти готова.

Сяо И на мгновение замер. В его глазах мелькнул свет, а уголки губ постепенно поползли вверх.

Каша из смешанной крупы получилась густой, с лёгким ароматом овощей. Вкус напоминал ту кашу, которую в детстве варил отец Сяо И, и от этого он на мгновение впал в задумчивость. Похоже, этот вкус ему действительно очень понравился: сам того не заметив, он съел целых три чашки.

Линь Мудун сидел напротив и пил кашу маленькими глотками. Сяо И всё ел и ел, даже не притрагиваясь к соленьям. А Линь Мудуну самому очень хотелось солёных овощей. Набравшись храбрости, он положил Сяо И палочками кусочек:

— Поешь немного овощей, не ешь одну кашу.

Он слегка прикусил кончик палочек и почти заискивающе посмотрел на Сяо И. Увидев, что тот принял его заботу и одним движением съел положенное соленье, Линь Мудун едва заметно улыбнулся. Только после того как Сяо И начал есть соленья, он и сам осмелился к ним притронуться. В конце концов даже эти простые овощи принадлежали Сяо И, а он сам жил здесь и ел бесплатно, да ещё оставался должен восемьсот вэней.

— Сегодня мы с Дацияном поедим в городок продавать дрова, к обеду не вернёмся. В кувшинах есть рис и мука, приготовь себе что-нибудь попроще. Когда продадим дрова и вернёмся, я куплю ещё еды.

Один он жил довольно грубо и непритязательно, лишь изредка ходил к Дацияну как следует поесть. Но теперь в доме было уже трое, а значит, следовало купить мяса, овощей, масла, соли, соевого соуса, уксуса и чая. Пусть накоплений было не так уж много, всё же целых пять лян серебра у него имелось, и на такие покупки этого хватало с избытком.

— Хорошо, — Линь Мудун растерянно кивнул. Значит, рис и муку ему действительно можно было есть.

После бегства от бедствия он с бабушкой отправился к дяде. В доме дяди такие вещи, как рис и мука, стоили денег, поэтому им с бабушкой их есть не позволяли. Тётка давала им только немного пшеничных отрубей. Отруби были грубыми и с трудом лезли в горло. Тогда Линь Мудун часто смотрел, как сын дяди ест мясные баоцзы, и невольно сглатывал слюну.

В груди у Линь Мудуна защемило, но вместе с тем разлилось и лёгкое тепло. Похоже, Сяо И был не таким уж страшным.

Он отнёс кашу в комнату. Сегодня Ли Юйфэнь уже окончательно пришла в себя и с утра даже могла сидеть, прислонившись к изголовью, и сама есть.

— Хороший он парень, — тихо сказала старушка Линь Мудуну, а затем добавила: — Мы и живём, и едим у него, ещё и задолжали немало денег. Нельзя позволить ему остаться в убытке, нужно быть поусерднее.

— Я знаю, бабушка, — Линь Мудун кивнул. — Когда поедим, я пойду собирать дикие овощи и лекарственные травы. Продам их, накоплю немного медяков и верну ему.

Хотя Ли Юйфэнь почти не училась, она была человеком рассудительным и знала, что жить нужно по совести. Если бы не слабое здоровье, она и сама должна была бы подняться и пойти вместе с внуком собирать дикие овощи. Все эти дни она лежала без сознания, ничем помочь не могла и только тянула внука назад.

Во дворе было тихо. Линь Мудун осторожно высунул голову в щель двери и, осмотревшись, убедился, что Сяо И во дворе нет. Только после этого он потихоньку вышел.

— Я ухожу в горы, — вдруг раздался голос Сяо И.

Он как раз выпалывал сорняки снаружи у ворот, оставив дверь приоткрытой всего на узкую щёлку. Подняв голову, он сразу увидел, как молодой гэр крадучись высовывается наружу и озирается по сторонам.

Сяо И невольно улыбнулся. Где ещё найдёшь такого глуповатого гэра?

Линь Мудун резко остановился. Пойманный с поличным, он выглядел немного неловко, поджал нижнюю губу и кивнул.

Не зная, что сказать, Линь Мудун вдруг выпалил:

— Тогда я буду ждать, когда ты вернёшься.

Сяо И как раз держал в руках топор и верёвки. Услышав эти слова, он споткнулся и едва не приложился головой о дерево.

Сяо И сделал вид, будто ничего не произошло. Неловко почесал голову, обернулся, махнул рукой, на красивом лице появилась улыбка, а затем он развернулся и убежал. Со спины выглядел при этом немного растерянно.

Линь Мудун склонил голову набок, в глазах читалось недоумение: он совершенно не понимал странного поведения Сяо И. Лишь когда Сяо И ушёл далеко, Линь Мудун взял метлу, прислонённую к стене, и сам принялся убирать двор.

Деревенские дома заметно отличались от домов в городке: крыши здесь были не из синей черепицы, да и дворы не имели правильной квадратной формы. Зато места было много. Небольшой двор окружали бамбуковая изгородь и стены из жёлтой глины, а по верхушке ограды ползло множество зелёных листьев - корни и стебли упорно продолжали расти.

Снаружи сорняки уже выкопал Сяо И, поэтому Линь Мудун занялся теми, что росли во дворе. Он поднял опрокинутые бамбуковые корзины, аккуратно расставил их, затем прошёлся повсюду метлой, и двор сразу стал выглядеть намного опрятнее. Но раз дом стоял среди бамбуковой рощи, без опавших листьев, конечно, было не обойтись.

Линь Мудун устал мести. С большим трудом он наконец собрал всю листву в одну кучу и присел отдохнуть на ступеньках под карнизом. Осенью часто поднимался ветер, и едва он устроился, как только что собранные листья снова разлетелись по двору. Он потрясённо смотрел на это некоторое время, а потом решил больше не бороться с метлой, нашёл тряпку и повернулся убираться в доме.

В остальные комнаты он заходить не смел, поэтому мог привести в порядок лишь открытую

главную залу и восточную комнату. Восточная комната была небольшой, а обстановка внутри - совсем простой: длинный стол, а посередине на нём стояла поминальная табличка.

Линь Мудун немного поколебался, но всё же сполоснул тряпку и вошёл прибраться. Он никогда не спрашивал Сяо И о семье, и лишь теперь наконец понял: оказывается, Сяо И был таким же, как он сам. Поминальная табличка была безупречно чистой, даже золотую краску на надписи недавно обновили. Сразу было видно, насколько Сяо И ею дорожил.

Слева на столе лежал свёрток с благовониями. Линь Мудун достал три палочки, зажёг их, поклонился и поставил в курильницу, и лишь после этого принялся убирать комнату.

За делами время пролетало быстро. Дни бегства и скитаний вдруг словно отдалились, будто всё это происходило в другой жизни. Но Линь Мудун всё ещё помнил, как у него отнимали еду и как его выставляли за дверь.

Закончив вытирать стол, он нашёл на кухне небольшую корзинку для овощей и собрался выйти за дикими овощами и лекарственными травами. Линь Мудун открыл ворота, но увидел снаружи двух гэров примерно его возраста. Они перегородили ему дорогу и смотрели на него с презрением и оценивающе - по одному их виду было ясно, что пришли они не с добром.

<http://bllate.org/book/19002/1924020>